

Альберт ВАНЕЕВ

Альберт Федорович ВАНЕЕВ родился в 1933 году в деревне Буткан Коми АССР. Окончил Коми педагогический институт. Кандидат филологических наук, ведущий сотрудник Коми научного центра Уральского отделения РАН. Член Союза писателей, народный поэт Республики Коми, автор многих поэтических книг и научных статей. Живет в Сыктывкаре.

ПИТИРИМ СОРОКИН — ЛИТЕРАТУРОВЕД

Окунувшись в водоворот российской столичной культурной жизни в начале 10-х годов XX столетия, Питирим Сорокин впитывал все новые и свежие веяния. Жгучий интерес молодого Сорокина к значительным явлениям мировой культуры вообще и к литературе и искусству в частности, может быть, был своеобразной и важной ступенью в его самообразовании, может быть, этапом подготовки к просветительской деятельности, а может быть, рано пробудившиеся философско-литературоведческие интересы П.Сорокина вызваны сознательной подготовкой к будущим социологическим исследованиям, поскольку социология опирается на политические, экономические, философские (эстетические), исторические знания. Трудно сказать. Но обращения П.Сорокина к литературным явлениям, их осмысление были не на «ученическом» уровне и обнаруживали в молодом ученом серьезного исследователя.

“Лев Толстой как философ”

Работа над очерком, а затем его публикация сначала в петербургском журнале “Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма” (1912, вып.4-5, с.80–97), а потом брошюрой в Москве (Сорокин П.А. Лев Толстой как философ, М., “Посредник”, 1914) совпали с периодом наибольшего сближения земляков и увлечения П.А.Сорокина философскими идеями зырянского мыслителя, профессора Психоневрологического института Калистрата Жакова. В 1912 году, когда появилась жур-

нальная публикация очерка “Лев Толстой как философ”, Питирим Сорокин выступил с рефератом на книгу К.Ф.Жакова “Основы эволюционной теории познания (Лимитизм)”¹.

Идеи зырянского мыслителя не могли не оказать серьезного влияния на молодого, двадцатитрехлетнего ученого Питирима Сорокина.

П.А.Сорокин начал свой очерк с полемики с книгой профессора А.А.Исаева “Граф Л.Н.Толстой как мыслитель”. Эта книга, посвященная специальному анализу философии и публицистики Толстого, давала весьма невысокую оценку Толстому как философу. Совершенно прав был Питирим Сорокин, не согласившийся с таким приговором профессора Исаева.

В чем же видит своеобразие, глубину и силу воздействия философии Льва Толстого сам П.А.Сорокин?

Молодой социолог утверждает, что “основными проблемами философии, вытекающими из ее сущности — мирообъемлющего синтеза, — являются: 1) о сущности мира, 2) об “я”, 3) об отношении и познании “я” и не “я” и 4) о цели и смысле бытия”².

Далее П.А.Сорокин ставит вопрос: “Занимался ли этими вопросами Толстой? — Ответ ясен: вся деятельность Толстого — не художника — представляет не что иное, как разрешение этих вопросов, разрешение не путем научного анализа, а путем философ-

¹ Жаков К.Ф. “Основы эволюционной теории познания”, СПб, 1912.

² Сорокин П.А. Лев Толстой как философ. М., “Посредник”, 1914, с.11.

ского, мирообъемлющего синтеза... Взвяхши определенную посылку, Толстой последовательно строит на ней свою систему философии, где каждый член с логической необходимостью вытекает из предыдущих посылок и является необходимым звеном в этом стройном здании философского творчества, в свою очередь обуславливающего мельчайшие детали мировоззрения и поведения Льва Николаевича. Поэтому выхватывать из этой системы отдельные члены, как это делает профессор Исаев, и критиковать их с точки зрения “фактов” и частной науки — значит не понимать сущность философии”.

В философском творчестве писателя, который в своих литературных произведениях был убежденным реалистом, есть много положений и принципов, которые не потеряли своего значения до наших дней и на которые обращает пристальное внимание П.А.Сорокин.

Великий гуманист Толстой мечтал о равенстве, уравнении богатых и бедных, ученых и “невежд”, господ и рабов. В связи с этим становится понятным его непримиримость с такими учениями, как учение Ницше о сверхчеловеке, морали господ и рабов. Тот и другой — два полюса и совмещены быть не могут.

Не потеряли своей актуальности философские размышления Л.Н.Толстого о роли искусства в жизни человека и общества. Всякое искусство, говорил Толстой, которое “понятно только отдельным личностям, а не всем, — есть ложное искусство, ибо оно дифференцирует человечество, увеличивает неравенство, и потому оно должно быть отвергнуто. Этим и обобщается то, что Толстой критерием художественности ставит заразительность нравственными переживаниями, обратной стороной которой является универсальность и понятность”³.

Л.Толстой в своих философских рассуждениях о социальной несправедливости в мире и особой контрастности этой несправедливости в российской действительности выступал с позиций прагматичности и реальности. В своей статье “Лев Толстой как зеркало русской революции” В.И.Ленин акцентировал внимание на эту особенность толстовского мировоззрения: “Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы”⁴.

Таким же прагматиком и реалистом предстал Лев Толстой в определении роли

литературы и искусства в жизни общества. Тогда, когда в оценке общественных явлений Л.Толстой критерием истинности выдвигал принцип пользы и годности для жизни, он был весьма близок к материалистическому взгляду на эти явления. Однако Питирим Сорокин сразу терял интерес к подобным философским взглядам Л.Толстого, когда писатель подходил к решению проблемы о смысле и ценности жизни. В этих случаях П.А.Сорокин сразу менял направление своих размышлений и предпочитал опираться на другие философские очерки и высказывания великого писателя.

Так, в поле зрения П.А.Сорокина оказались философские этюды Л.Толстого “Ложные науки” и “Одна душа на всех”. Основной пафос статьи “Ложные науки” заключен в противопоставлении частной, конкретной, экспериментальной науки и философии, “знания” и “мудрости” (человеческого разума). Л.Толстой писал: “Со всеми людьми, обращающимися к науке нашего времени не для удовлетворения праздного любопытства и не для того, чтобы играть роль в науке, не для того, чтобы кормиться наукою, а обрашающимися к ней с прямыми, простыми жизненными вопросами, случается то, что наука отвечает им на тысячи разных, очень хитрых и мудреных вопросов, но только не на тот один вопрос, на который всякий разумный человек ищет ответа: на вопрос о том, “что я такое” и “как мне жить”.

“Опытные науки”, разрабатываемые без “руководящей философской мысли”, Л.Толстой сравнивал с лицом без глаз. Л.Толстой четко и резко различал два рода наук: истинные и ложные, иными словами, ложные знания и истинную мудрость, т.е. философскую. Какой же вывод делает Питирим Сорокин из этого толстовского противопоставления конкретных наук и философии? Молодой исследователь, находящийся в плену идеалистических концепций философии К.Ф.Жакова, и о философском кредо великого русского писателя с восторгом писал: “Обычная наука, по Толстому, знает много пустяков, но не знает главного: Бога, души и смысла жизни, а так как только последние нам достоверно известны (чувство), а первые представляют относительные знания о мнимом, то, понятно, что и ценность последних очень невысока... В этом пункте, как и в некоторых других, Л.Толстой очень близко подходит к Канту с его дуализмом феноменального и ноуменального”.

Философское мировоззрение Л.Толстого характеризует глубокий и постоянный гуманизм. Однако сущность толстовского гуманизма Питирим Сорокин усматривал в “непротивлении злу насилием”, в “Великой

³ Сорокин П.А. Лев Толстой как философ. М., “Посредник”, 1914, с.11, 23.

⁴ В.И.Ленин. ПСС, т.17, с.210.

Любви, делающей все народы братьями”, в “России как примирительнице всех народов”, о чем мечтали еще славянофилы.

Более того, следуя основным принципам и преобладающей тональности философии К.Ф.Жакова, Питирим Сорокин и гуманизму Л.Толстого готов придать идеалистический оттенок. О любви Толстого он писал: “Любовь эта была не рационалистической, надуманной, а непосредственной, чисто мистической. Этот мистицизм опять-таки, кажется, не случаен для нас... Бесконечные снежные равнины, песни вьюги, длинные сумерки и бесконечные леса вместе с скорбью нашей жизни еще в древности настроили душу русского человека на мистический лад. Возьмите наши сказки, былины и, в особенности, песни — разве не чувствуется в них, наряду с тоской, глубокой тайны”.

В этом эмоциональном высказывании П.А.Сорокина прежде всего чувствуется прямое, непосредственное влияние лирико-философских отступлений из автобиографической повести К.Ф.Жакова “Сквозь строй жизни”, которые действительно пронизаны “скорбью”, “тоской”, “глубокой тайной”. П.А.Сорокин не удержался, чтобы не приписать эти черты всему философскому мировоззрению Льва Толстого. В заключение он писал: “История философии знает много “сущностей мира”. Такими сущностями объявлялись то материя, то дух, то воля, то логос и т.д. Но едва ли в какой-нибудь философской системе так резко и ясно был объявлен за “сущность вещей” Бог, основным атрибутом которого является любовь, не знающая границ и предела, любовь не “умственная”, а непосредственно живая”⁵.

Питирим Сорокин не хотел и не мог философски осмыслить “трезвый реализм” Толстого, и поэтому он избегал прикосновения к этой проблеме в мировоззрении гениального художника.

“Заветы Достоевского”

Ранее исследование молодого П.А.Сорокина “Лев Толстой как философ” тематически весьма близко к его литературно-философской статье “Заветы Достоевского” (“Артельное дело”, 1921, № 17-20, с.4-7). Эти две работы опубликованы с промежутком в почти целое десятилетие (1912—1921), охватывающее первую мировую войну, Февральскую и Октябрьскую революции. Казалось бы, в философских убеждени-

ях Питирима Сорокина могли и даже должны были под влиянием этих событий произойти значительные сдвиги и коренные изменения

Однако этого не случилось.

Предреволюционное десятилетие прошло под лозунгами, призывающими “к царству правды, к подлинному равенству, братству и свободе”, а к этому “гениальный творец “Братьев Карамазовых” (определение Сорокина) ясно и определенно видел один путь: путь религиозно-нравственной деятельности любви человека ко всем людям, ко всему живому, ко всему миру, любви безусловной и постоянной. Таков, по мысли П.А.Сорокина, главный завет Достоевского.

Далее П.А.Сорокин утверждал, что “если люди проникнутся главным заветом Достоевского и будут исполнять его, — тогда все просто решится, тогда не будет горя и нужды, рабов и господ, тогда возможны подлинная свобода, равенство и братство; тогда будет “во всех Христос”.

Однако главная задача, ради решения которой написана статья П.А.Сорокина “Заветы Достоевского”, состоит не в том, чтобы указать народу “путь спасения”, а в том, чтобы приспособить к новым, послереволюционным условиям “заветы Достоевского” и еще раз предостеречь соотечественников от ложных путей движения к “свободе, равенству, братству”.

Как известно, указывая “путь спасения”, Ф.М.Достоевский в то же время предупреждал об опасности “протестантского” и “католического” путей. Под первой, “протестантской”, идеей понималась мораль голодного бунта ради бунта, заповедь чистого разрушения и протеста во имя разрушения. Питирим Сорокин уделяет мало внимания разъяснению “протестантской” идеи, как бы мимоходом говоря только, что она “дает либо бесполезные самоубийства, помогающие совершенно и сокрытию преступлений, примером чего служит “богоборец” протестант Кириллов в “Бесах”, либо ведет к смердяковщине — неизбежному детищу богоборца Ивана Карамазова, т.е. опять-таки к злу, убийству и преступлению”.

В своей статье П.А.Сорокин подробно останавливается на разоблачении второго ложного пути — “католического”. Под “католической” идеей великий русский писатель подразумевал мораль насилия: принудительного спасения людей и деспотического возведения рая на земле. “Католическая” мораль, по Достоевскому, идет еще от древнего Рима; от него перешла в католичество, а от последнего взята революционерами и социалистами. И древний Рим, и католичество, и социализм верили и верят, что спасе-

⁵ Сорокин П.А. Лев Толстой как философ. М., “Посредник”, 1914, с.18, 26-27.

ние людей, улучшение их жизни, разрешение общественных вопросов может быть достигнуто простой силой, кровавой борьбой, применением насилия и принуждения”.

В своей статье “Заветы Достоевского” П.А.Сорокин ни разу прямо не упоминал Октябрьскую революцию, свершившуюся в 1917 году, однако она постоянно подразумевается, когда автор говорит о ложном, “католическом” пути спасения людей. Питирим Сорокин своим оппонентам-большевикам говорил: “Без любви, без нравственного совершенствования людей не спасет и перемена общественного строя, изменение законов и учреждений”.

“Наши литературные течения. Об Андрее Белом”

В еженедельнике “Вестник литературы” (1920, № 7) была опубликована статья под псевдонимом “Его” и обобщающим названием “Наши литературные течения. Об Андрее Белом”. В этой статье говорилось: “Среди современных писателей не много найдется людей с таким широким размахом, как Андрей Белый. С равным усердием он отдает дань поэзии и прозе, филологическим изысканиям и вопросам психологии, оккультизму и научной философии, пишет множество статей и книг, прочитывает целые библиотеки, мечется от одного “credo” к другому, сменяет одну позу другой, третьей, четвертой... Водопады и фонтаны мыслей kloчочут в нем. Пылают бенгальские огни. И весь он — в лихорадке, в бреде, в суете, что-то лепечет, выкрикивает, размахивает руками, скачет... И если бы не черная шапочка на голове, беловолнура его всегда стояла бы дыбом от вдохновения, восторга, ужаса и пафоса. Таково мое впечатление от творчества Белого. Бегом через жизнь. Вокруг света за полчаса.

Служение муз не терпит суеты — завет этот прошел мимо Белого, или Белый прошел мимо него. Суета — его стихия”.

Относительно будущего А.Белого автор статьи выражает и сомнения, и надежды: с одной стороны, он может впасть в совершеннейший декаданс, в имитацию оригинальности, а с другой стороны, возможен взлет на вершины мысли, лучезарное прозрение.

Противоречивое отношение было и у всей русской культурной общественности к поэзии А.Белого. После издания Белым трех сборников стихотворений к 1909 году Валерий Брюсов сказал о нем: “Поэт, мыслитель, критик, теоретик искусства, иногда бойкий фельетонист, Андрей Белый — одна из замечательнейших фигур современ-

ной литературы”. В то же время значительная часть русской интеллигенции просто враждебно относилась к декадентским новшествам в искусстве. Да и сам Андрей Белый в откровенном эссе “О себе как писателе” в 1933 году, незадолго до смерти, писал: “Мои книги вызывали резкие разногласия: одни из читателей явно переоценивали меня, а другие силлись меня смешать с грязью”⁶.

Питирим Сорокин, воспитанный на русской классической поэзии Пушкина, Лермонтова, Тютчева, явно недружелюбно относился к декадентствующей поэзии символистов. В следующем же номере (после публикации статьи под псевдонимом “Его”) журнала “Вестник литературы” П.А.Сорокин опубликовал свою статью-реплику “Еще об Андрее Белом” (“Вестник литературы”, 1920, № 8, с.6-7): “Если вы хотите показаться глубоким мыслителем, то для достижения этой цели есть довольно простой рецепт. Он таков: 1) напустите туману в ваши писания, 2) щедро употребляйте громкие слова, вроде: “кризис”, “культура”, “творчество”, “Бог”, “Ариман”, “мистический”, “свет”, “символ” и т.д., 3) присоедините сюда множество великих или известных имен, напр., Кант, Гете, Беме, Коген, Ницше, Шленсер, Ласк, Вагнер и т.д. Еще лучше, если прибавите к ним имена древние, напр., Августин, Дионисий Ареопагит, Платон и др.; они придают “остроту” и “аромат” всей начинке, 4) подправьте все это несколькими цитатами, неожиданными сопоставлениями, новосозданными словами, 5) возьмите самую обычную затасканную мысль, начините ее указанными снадобьями, преподнесите в таком виде, и... я ручаюсь, что вы найдете порядочное число лиц, которые провозгласят вас глубоким мыслителем”.

Так иронично отнесся Питирим Сорокин к выходу в свет книги А.Белого “На перевале” и апологетической статьи “Его” в еженедельнике “Вестник литературы”.

Конечно же, не столько “туманности”, “громкие и новосозданные слова” или “неожиданные сопоставления” вызвали раздражение П.А.Сорокина, сколько отсутствие ответов на насущные вопросы, над которыми мучительно размышляло общество, размышлял и сам Сорокин: “В чем состоит кризис культуры?” “В каких формах он проявляется?” “В чем его причины?” “Каковы его признаки?” “Каковы грядущие судьбы культуры?”

Нетрадиционная поэтика Андрея Бело-

⁶ Андрей Белый. Солнце. Избранные стихотворения, М., 1992, с.237.

го послужила только поводом для язвительной реплики Питирима Сорокина, а причиной, скорее всего, послужила идейно-политическая несовместимость. поскольку А. Белый, подобно В. Брюсову и А. Блоку, не только признал Октябрьскую революцию, но и активно участвовал в советском культурном строительстве: работал в Московском Пролеткульте и в Театральном отделе Наркомпроса. У Сорокина же взаимоотношения с новыми властями были более сложными. Нельзя также полностью исключить и ту причину, что П. Сорокин по инерции присоединился к распространённому мнению квалифицированных интеллигентов, которые насмешкой реагировали на формальные опыты поэта-символиста, как признавался сам Андрей Белый в статье "О себе как писателе".

Об очерках и рассказах В. Ропшина (Б. Савинкова)

На выход в свет книги очерков и коротких рассказов В. Ропшина (псевдоним; настоящее имя — Савинков Борис Викторович) "Во Франции во время войны" (М., 1916) весьма благоприятной рецензией откликнулся Питирим Сорокин ("Ежемесячный журнал", 1917, № 1, с. 247-248).

Находясь в союзнической Франции, свои наблюдения о военной обстановке в различных ракурсах В. Ропшин (Б. Савинков) изложил в статьях-очерках, которые печатались в текущей прессе. В этих очерках изображены за период с сентября 1914 года по июнь 1915 года Париж и поле сражения, французская артиллерия и аэропланы, траншеи и Главный штаб, французы и англичане, солдаты и офицеры в госпитале и плену, русские солдаты в Париже и т. д. П. А. Сорокин выражал уверенность, что и "читатель-эстет, ищущий художественных претворений жизни, и читатель-публицист, желающий проникнуть в душу Франции сегодняшнего дня, и читатель-летописец, холодно регистрирующий события, — все найдут в книге нечто ценное, живое, незабываемое..."

П. А. Сорокин с эстетической позиции оценивает книгу исключительно высоко, называет В. Ропшина "большим художником", "очерки-рисунки сделаны рукой большого мастера"; считает, что очерки "Счастливей человек" и "Капитан Гаррон" с художественной точки зрения стоят выше всего ранее написанного В. Ропшиным. Рецензент подчеркивает также большое умение автора обрисовать цельный характер кратко, лаконично, просто и сильно. И самое главное заключа-

ется в том, по мысли Сорокина, что книга "Во Франции во время войны" развернула великую народную трагедию и показала влияние войны на судьбы отдельных людей и целых наций.

"Смена вех" как социальный симптом

Публицистическая по форме и литературно-философская по своему содержанию статья П. А. Сорокина "Смена вех" как социальный симптом" ("Вестник литературы", 1921, № 12) оказалась одной из последних его публикаций в прессе Советской России перед долгой эмиграцией.

У этой статьи имеется громкая предыстория.

Как известно, в период реакции, после поражения первой русской революции 1905 года, в среде русской интеллигенции наметился откровенный поворот к контрреволюционному либерализму: кадетствующие литераторы стали открыто нападать на "народопоклонничество" демократов, отречься от освободительного движения прошлых лет, благодарить царизм за спасение их от революции, провозглашать, что "эгоизм, самоутверждение — великая вещь".

Представители либеральной интеллигенции Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве, С. Л. Франк выступили в 1909 году со своими программными мыслями и опубликовали знаменитые, широко нашумевшие "Вехи" ("Сборник статей о русской интеллигенции", М., 1909).

Вся официальная русская пресса встретила выход в свет этого сборника восторженно. А. Столыпин высоко оценил "интеллигентский самосуд", учиненный над собой авторами (журнал "Новое время"); Андрей Белый разразился хвалебной статьей "Правда о русской интеллигенции" ("Весы", № 5); С. Лурье услышал, что в сборнике звучит "честный голос убежденных людей" ("Русская мысль", № 5).

В то же время трезвые мыслители и писатели восприняли "Вехи" весьма настороженно. Внимание Л. Н. Толстого привлекла идея духовного усовершенствования, высказанная в предисловии к сборнику, однако разочаровал и возмутил стиль, "не ясный и искусственный". А. М. Горький назвал "Вехи" "мерзейшей книжницей за всю историю русской литературы". В. В. Воровский увидел в авторах сборника людей, погруженных в "самоуглубление и самосозерцание собственного пупка". А. В. И. Ленин оценил "Вехи" как "великолепное разоблачение идейными вождями кадетов сущности их политическо-

го направления” и назвал сборник “энциклопедией либерального ренегатства”.

Громкая “слава” вот этих дореволюционных “Вех” не давала покоя и новым ренегатам, ренегатам послеоктябрьских лет. В 1921 году в эмиграции, в Чехословакии, был издан сборник статей Ключникова, Лукьянова, Бобринцева-Пушкина, Устрялова, Чахотина и других под названием “Смена вех” (Сборник статей, Прага, 1921).

По поводу публикации этого сборника издающийся в Петрограде журнал “Вестник литературы” писал: “Нововеховцы” переставили свои вехи справа налево. Вчерашние романофилы, черносотенцы, колчаковцы и октябристы, еще не изнашившие своих башмаков, в которых шли в ногу с Колчаком, отправились в советскую “Каноссу” и зовут к совместной работе с нынешней властью на пользу родины. Работать на пользу родины всегда следует, при всех обстоятельствах и режимах, но готовность “нововеховцев” работать с властью вызывает у многих коммунистов и некоммунистов — сомнение в их искренности”.

В этом же номере журнал предоставил свои странички “известному социологу П.А.Сорокину”, выступающему со статьей “Смена вех” как социальный симптом”. П.А.Сорокин сразу начал свою статью с негативной характеристики “Смены вех” и ее авторов: “Этот сборник заслуживает большого внимания. Не в силу его литературных или других достоинств, не в силу глубины или новизны мыслей (в том и другом отношении он более чем посредственен), а как социальный симптом. В этом аспекте интересен как сборник, так и те споры, которые порождаются вокруг него.”

Авторами сборника являются лица ранее правого направления. Часть из них были активными сподвижниками Колчака, часть, вроде Бобринцева-Пушкина, октябристами. Таково “прошлое” участников сборника. Каково же их настоящее? Что они проповедают? К чему призывают?”

Хотя сам П.А.Сорокин оговаривается, что он не намерен ни хвалить, ни порицать авторов сборника, тем не менее дает уничижительную характеристику их идеологии: “Смена вех” — идеология: 1) той части интеллигенции, которая носит название “госпецов”, и 2) той пестрой группы лиц, которая коммерчески питается от власти в форме разных подачек, sinecur, концессий и т.п. Интересы этой социальной группы ближайшим образом связаны с бытием устойчивой и сильной государственной власти”.

Далее автор статьи говорит о том, что для этой социальной группы безразлично, какая власть будет в государстве: Романов,

Колчак или Ленин. Она будет благодарствовать при условии, если власть будет сильной.

П.А.Сорокин с пронией и презрением говорит об идеологической неразборчивости этой социальной группы и ее исключительно высоком самомнении: “Тоску по кормящей власти она одевает в “тоску по родине”, в идеологию возрождения государства, интересов отечества, государственной мощи и величия (в других случаях с той же легкостью она может одевать их в интересы “человечества”, “революции”, “прогресса”, “демократии”, “социализма”, “интернационала”, “монархии” и т.д., смотря по обстоятельствам). Далее, как всякая социальная группа, склонна преувеличивать свое социальное значение и свою социальную роль, так и данная группа имеет свою “идеосинкразию”. Она полагает, что в ней сила, что от того, как она поведет себя, будет зависеть ход истории. Стоит ей по-настоящему впрячься в дышло государственной колесницы — и все пойдет как по маслу: процветет страна, расцветет государство, и воцарятся благодать, изобилие, довольство. Отойди она от дела — и все рухнет. Эта преувеличенная оценка своей роли ясна в сборнике и отчетливо слышится в речах лиц, популяризирующих его в наших палестинах”.

Как видим, П.А.Сорокин глубоко проник в социальную природу и идеологическую сущность этой прослойки русского общества, которая заявила о себе в послереволюционные годы “Сменой вех”. Рассматривая сборник как “социальный симптом”, П.А.Сорокин по этому симптому поставил точный и безжалостный диагноз серьезно больной в идеологическом и политическом отношении русской интеллигенции. По причине этой “болезни” “нововеховцев” П.А.Сорокин весьма невысоко оценивает практическую роль сборника: “коромысло весов истории России мало покачнется от того, куда поместит себя эта группа: на чашу ли правительства или на другую”.

П.А.Сорокин имеет здесь в виду новое правительство Советской России, возглавляемое В.И.Лениным. “Нововеховцы” всячески нападали на это правительство, обвиняя его в разрушении святынь, железной диктатуре и красном терроре. Программа же самих авторов “Смены вех” включала: через Интернационал — к империализму; через Советскую власть — к возрождению “великой, единой и неделимой России”, через развившуюся до конца революцию — к уничтожению всякой революции в будущем (“третьей революции не быть”).

Отошедший к этому времени от активной политической деятельности П.А.Соро-

кин как бы объективно и со стороны пытается дать оценку новому советскому правительству, полемизируя и не соглашаясь с авторами "Смены вех". Характеристика, данная П.А.Сорокиным правительству В.И.Ленина, во многом неожиданна, даже алогична и знаменует крутой поворот в политических взглядах бывшего члена партии правых эсеров. Он говорит: "Существующая власть не хуже всех возможных властей. Она лучше всевозможных "белых" властей уже потому, что сумела власть захватить, удержать, победить противников, установить порядок и прекратить анархию. Ее недостатки — результат самой революции. Ее железная рука — необходимость. Ее террор — не хуже белого террора. Словом, "победителя не судят". Мудрость власти свидетельствуется способностью эволюционировать, ее пониманием задач момента. Террор у нас не нужен, ибо он уже совершился. Он произведен силами самой власти, с момента ее перехода к новой экономической политике".

В данном высказывании обращает на себя внимание сорокинские аргументы, высказанные им в поддержку деятельности молодого советского правительства: способность удержать власть, установить порядок, эволюционировать, проявить смелость перехода к НЭПу. Плюс к этому, П.А.Сорокин считает ленинское правительство русским и вполне патриотическим, хотя авторы "Смены вех" отказывали большевикам в праве называться патриотами. П.А.Сорокин убежденно возражает "нововеховцам": "Следует идти в Каноссу" всем, кто любит Россию, родину, отечество, потому что руками власти делается великое национальное дело. Не ведая, что власть на деле лучше всех Колчаков, Врангелей, учредителей и др. белогвардейцев выступала и выступает защитницей и хранительницей подлинных интересов русского государства. Руками "еврея Троцкого" создается Красная Армия, защищающая не коммунизм, а Отечество".

В отличие от "сменовеховцев" П.А.Сорокин лишен националистических и шовинистических предрассудков и солидаризируется с позицией советского правительства, стоящего на позициях патриотизма и интернационализма.

И все-таки главной, стержневой идеей статьи П.А.Сорокина "Смена вех" как социальный симптом" явилась его давно вынашиваемая мысль о позиции русской интеллигенции по отношению к любому правительству. П.А.Сорокин видел глубокую ущербность, коренной недочет русской интеллигенции в том, что она всегда слишком тесно связывала себя с любой властью: и то-

гда, когда она возлагала все надежды на власть, и тогда, когда она ненавидела власть и боролась с ней. Питирим Сорокин же давно пропагандировал в кругах русской интеллигенции "англо-саксонскую" и "скандинавскую" позиции. Дело в том, что П.А.Сорокин давно симпатизировал своим коллегам, ученым из Англии, Америки, скандинавских стран, которые не "приклеивались" к государственной власти и не были в полной зависимости от нее, а работали как бы параллельно. "Англо-саксонская позиция" для Питирима Сорокина "это — позиция "самодеятельности", независимо от власти, позиция "самоуправления", не связывающая свою работу исключительно с государственной бюрократией ни в научной, ни в просветительной, ни в экономической, ни в какой бы то ни было области общественной работы".

И вот благодаря этой позиции "самодеятельности" и "самоуправления" англо-саксонские и скандинавские общества, по мысли Сорокина, приобретают "живой дух", которому они обязаны своей мощью и процветанием. А в противоположность им русская интеллигенция преуспевает "в призывах к власти или в призывах к ее низвержению". Питирим Сорокин предсказывает и предостерегает, что этот путь ложный и бесперспективный: "Личный почин, личная инициатива, личная энергия, производительная работа "по совести", а не согласно указке и капризам кого бы то ни было — вот то, что нужно. Будет это — приложится все остальное. Не будет этого — не спасут никакие надежды ни на белую, ни на красную власть. Пора это усвоить и усвоить прочно"⁷.

Итак, статья П.А.Сорокина "Смена вех" как социальный симптом", написанная по поводу заметного литературного события — выхода в свет сборника статей "Смена вех", отчетливо выявила общественно-политическую позицию одного из бывших лидеров партии правых эсеров. Прав оказался В.И.Ленин, который за три года до этого, еще в 1918 году в статье "Ценные признания Питирима Сорокина" говорил: "Миновали те объективные условия, которые особенно резко оттолкнули от нас таких демократов-патриотов. Наступили такие объективные условия, которые заставляют их повернуть в нашу сторону. Поворот Питирима Сорокина отнюдь не случайность, а проявление неизбежного поворота целого класса, всей мелкобуржуазной демократии"⁸.

⁷ "Вестник литературы", 1921, № 12, с.1—3.

⁸ В.И.Ленин. ПСС, т.37, с.191.

Действительно, поворот П.А.Сорокина к Советской власти осуществился, и его отношение к ней стало вполне лояльным, хотя и с некоторыми оговорками и условиями, поскольку прежде всего он старался быть объективным.

А оценка, данная П.А.Сорокиным русской интеллигенции, оказалась не только точной и справедливой, но и пророческой. И через много десятилетий после того, когда он сказал от шарахани нашей интеллигенции от одной власти к другой, она остается такой же несамостоятельной и самоуправляемой. Прошедшие годы так и не научили русскую интеллигенцию торить свою, независимую научную, творческую, просветительскую общественную тропу, на что надеялся П.А.Сорокин. В этом общественно-политический и нравственный урок статьи “Смена веж” как социальный симптом”.

“Начало великой ревизии”

К статье Питирима Сорокина “Смена веж” как социальный симптом” и тематически, и по своей идеологической тональности примыкает его же статья и тоже опубликованная в еженедельнике “Вестник литературы” (1922, № 2-3, с.1-3) — “Начало великой ревизии”. Поводом для написания этой статьи послужил выход в свет сборника “Освальд Шпенглер и Закат Европы” (М., издательство “Берег”, 1922), авторами которого оказались некоторые участники сборника “Вехи”: Н.Бердяев, Я.Букшпан, Ф.Степун, С.Франк.

Питирим Сорокин говорит о состоянии русской интеллигенции после “катастрофических событий последних лет” (революции и гражданской войны), в результате которых нарушилось равновесие психики не только русского общества, но и всего культурного человечества, когда великие заветы Добра и Справедливости, Гуманности и Человечности, как полагал П.А.Сорокин, сошли с исторической сцены. “Многим и многим кажется, что не только у нас, но всюду все и вся рушится, все и вся гибнет: гибнет Россия, гибнет Европа, гибнет культура. Неудача нашего колоссального опыта породила во многих полное разочарование в основных устоях интеллигентского мировоззрения в науке, в революции, в социализме, в идеализации народа, в вере в светлое будущее человечества и т.д.”

В этой обстановке одни из среды русской интеллигенции теряли вкус к жизни и кончали с собой; другие вырождались в циников и нигилистов, третьи судорожно хватились за обломки былого; четвертые зло-

радовались по поводу гибели культуры. Однако П.А.Сорокин в составе русской интеллигенции усматривал и “пятый слой”: “Есть, наконец, и такие, которые, учтя опыт, пытаются осознать его и в связи с этим произвести настоящую ревизию и проверку как основ всей культуры, так и нашего традиционно-интеллигентского мировоззрения, не становясь при этом ни безнадежными пессимистами, ни барабанными оптимистами, ни “нигилистами”, ни потрясенно-отрешенными маниаками катастрофы и гибели”.

С тезисом о закате европейской культуры П.А.Сорокин решительно не согласен, поскольку научная мысль Запада работает интенсивно, успехи биологических и физических наук очевидны, а также уравновешивается и духовная жизнь. Питирим Сорокин подводит читателя к мысли, что здоровые силы русской интеллигенции должны ориентироваться на западную науку и культуру, а не заниматься только апологетизацией будущей российской культуры: “Мечтать, что новое возрождение придет из России, приятно. В эпохи крушения культур Римской, Эллинской, в эпохи крушения неудачных опытов, вроде французской революции и т.д., всегда начинали верить “в свет с Востока”, превозносить Китай, Египет, Индию и т.д. Не мудрено, что такие же упования появляются и сейчас. Я полагаю, что каждая из этих культур имеет свои алмазы. Имеет их и Россия. Но от этого до “заката запада” и “спасения с востока” далеко. В этом сказался опыт “большевизма наизнанку” авторов сборника. Россия не была “навозом” в прошлом. В общую сокровищницу ценностей она внесла свои вечные. Но к чему же отсюда делать ее “монопольной обладательницей” их в будущем и “реквизировать” у запада всю его творческую роль. Такой “большевизм наизнанку”, пусть простят меня уважаемые авторы, навеи и нескромнен. “Проклятая Европа” жива еще, а мы... вымираем. Не к лицу нам такая нескромность и полное отрицание своего достоинства”.

Ценность статьи П.А.Сорокина “Начало великой ревизии” заключалась в том, что в период переоценки ценностей он не потерял голову, не считал науку виновницей кризиса, не занялся полунаукой, ведущей к “ура-нистичизму” или к “ура-атенизму”, не прикинул к смердяковому от науки, которые объявляли мораль и нравственность “предрассудком”. Питирим Сорокин выработал для себя в этой обстановке “русской смуты” четкие ориентиры, которые постепенно, но неуклонно способствовали движению на вершины социологической науки.

Эмиль Верхарн и Кнут Гамсун

В конце XIX — начале XX века в России исключительно популярными были европейские писатели бельгиец Эмиль Верхарн и норвежец Кнут Гамсун. Прочему? На этот вопрос стремились ответить многие русские писатели, литературные критики и философы. Не остается безучастным и Питирим Сорокин, выступивший во “Всеобщем журнале” (1911, № 10, с.177-206) со статьей “Гамсун и Верхарн как выразители современных дум и настроений”.

Свою статью П.А.Сорокин начал с вопроса: “Какова наша эпоха? Что в ней наиболее характерно?” и пытался ответить на этот мучительный вопрос.

Питириму Сорокину было идеологически созвучно стремление Э.Верхарна конца 90-х годов XIX века к выходу из отчаяния, из состояния анархического бунта, лишеного конкретной цели. Целеустремленность и цельность приобретало творчество Верхарна, когда он сближался с социалистическим движением, принимал активное и непосредственное участие в просветительской работе среди бельгийских рабочих и фламандских крестьян. Верхарн с болью наблюдал и поэтически осмысливал процесс поглощения капиталистическим городом патриархальной деревни. В поэзии талантливого бельгийца П.Сорокин находил подтверждение своим просветительским идеям.

Э.Верхарн видел противоречия классового общества, вопиющие социальные контрасты, страдание широких масс и духовную нищету верхов. Именно поэтому поэзию Верхарна П.Сорокин называл “вихрем”: “Как вихрь, его стих то несетса с бешеной быстротой, то вдруг резко обрывается, то тихо стелется по земле, лаская нас своей певучестью, то вдруг разражается громом”.

В образе вихря Питирим Сорокин подчеркивал в поэзии Верхарна жизнь, действие, борьбу, “буйство сил”, “падение и полет”, “величие и позор”... П.Сорокина восхищало в поэзии Верхарна все, что связано с жизнью и борьбой: “Природа дала ему великое сердце, безграничное в своем гневе, бесконечное в возмущении, умеющее держать, ненавидеть и любить, скорбеть и восхищаться”.

В своей статье, написанной вскоре после трагической гибели Э.Верхарна, в статье взволнованной, может быть, излишне эмоциональной, П.Сорокин дал тем не менее трезвую, глубоко мотивированную оценку реализму поэзии Верхарна, ее демократизму и этим самым как бы отдалял и

отмежевывал от символизма. Величайший признак художественности в творчестве Верхарна П.Сорокин видел в “претворении местного — во всеобщее, временного — в вечное, случайной картины — в вечный, живой прообраз”.

Совсем молодым встав на литературоведческую стезю, двадцатидвухлетний П.Сорокин в своей статье “Гамсун и Верхарн как выразители современных дум и настроений” достаточно точно характеризовал такое сложное эстетическое явление всевропейского масштаба, каковым было творчество норвежского писателя Кнута Гамсуна. Конечно, внимание Сорокина к рассказам, повестям и романам К.Гамсуна в какой-то мере объяснимо “северным колоритом”: северным пейзажем, высокими идеалами и моральными ценностями, истинными человеческими качествами северян. Но не только.

Питирим Сорокин находил много общего в творческих изысканиях скандинава Кнута Гамсуна и зырянского писателя Калистрата Жакова. Тот и другой мечтали о жизни, близкой к природе, о жизни, свободной от ненавистной и презираемой материальной выгоды. В разной степени, но оба они были сосредоточены на своих грезах, размышляли о великих тайнах бытия, им обоим близка и понятна “сила духа”. К этому следует добавить, что в творчестве и Гамсуна, и Жакова значительное место занимает “противопоставление современному капиталистическому городу устойчивого уклада крестьянской жизни, близкого к естественному круговороту природы”. Все это импонировало просветительским настроениям Питирима Сорокина.

Уолт Уитмен

Первые упоминания о произведениях У.Уитмена появились в России в середине XIX века (“Отечественные записки”, 1861, № 1). Но особенно пристальное внимание к его поэзии у российских исследователей и поэтов возникло в конце XIX — начале XX веков. В 1907 году был издан впервые на русском языке сборник стихотворений Уитмена в переводах К.Чуковского. Затем в 1911 году опубликован сборник стихотворений американского поэта в переводах К.Бальмонта. Одновременно в России появились заметки и даже исследования о творчестве Уитмена. В этом ряду стояла и довольно обширная статья П.А.Сорокина “Бард жизни. Уолт Уитмен (1819—1892)”, опубликованная во “Всеобщем журнале” в 1912 году.

П.Сорокин понимал всю сложность поэтической фигуры Уитмена и относил его к разряду “ненормальных” и “сомнительных”, в каком-то смысле противопоставляя его поэтам “великим”, репутация которых “держится прочно и непоколебимо”, таковы: Гомер, Шекспир, Шиллер, Гете, Байрон и вообще большинство “классических” поэтов. Противоречивость поэтических высказываний Уитмена одновременно и восхищала, и раздражала П.Сорокина: “Иногда на целые страницы тянутся у него перечисления. Читаешь и не понимаешь: к чему и зачем оно?” Чуть ниже молодой исследователь пытается ответить на им самим же поставленный вопрос: “В искусстве много говорить, решительно ничего не сказавши, я не встречал ему (Уитмену) равного. Слова его горячи, они пылают; в стихах его страсть, сила, вдохновение. Слушаешь эту беспорядочную музыку слов и чувствуешь, как грудь его трепещет. Но никак не поймешь, чем он вдохновлен”.

И все-таки в оценке поэзии У.Уитмена у П.Сорокина больше восхищения. Не зря вслед за К.Бальмонтом он подчеркивал: “В Америке было три великих поэта, и два из них — предельные. Их имена — Э.По, Уитмен и Лонгфелло. Лонгфелло мог быть и не быть. С Лонгфелло мы богаче, но и без него мы не были бедняками. А Эдгар По и Уолт Уитмен были неизбежны в истекшем столетии. Без них XIX век не мог бы осуществиться и быть законченным”⁹.

П.Сорокин не только чувствовал, но и понимал, что Уолт Уитмен в своих поэтических произведениях выразил ведущие общественные идеи XIX века.

Во-первых, главная тенденция поэзии Уитмена в воспевании равенства и братства всех народов, ибо “по Уитмену”, “нет ни лучших, ни худших”. Более того: эксцентричный и непредсказуемый Уитмен проповедовал значимость личности как “абсолютной святости”. В этом смысле и проститутки, и преступники-убийцы, и люди — носители добродетели — все равны (вообще, равноправие, тождество — любимое понятие Уитмена):

Чувствую, если я единый от них,
я сам — в этом лике
острожников и проституток,
и отныне от них отрекаться
не буду я — ибо как я
отречься могу от себя?¹⁰

⁹ “Всесообщий журнал”, 1912, № 2, с.107, 111—113.

¹⁰ У.Уитмен. Побег травы. Переводы К.Бальмонта. СПб, 1911, с.150.

Во-вторых, молодого П.Сорокина восхищала жизнеутверждающая сила поэзии У.Уитмена. Как и Э.Верхарна, американского поэта с полным правом можно назвать “великим певцом жизни”. “О, жизнь всегда, все время умирая!” — восклицал Уитмен.

В-третьих, как Верхарна, так и Уитмена Питирим Сорокин называл “певцами демократии” и заканчивал статью “Бард жизни” лирическим отступлением, которое звучит гимном нарождающейся демократии: “Они знают, что великая жизнь трепещет в ее (демократии. — А.В.) недрах, что могучие зовы пробуждаются в ней. И великое творчество предстоит ей в будущем, потому-то они и певцы ее; ибо и демократия, и они — творцы и носители буйной, вечно творящей и вечно разрушающейся жизни...”

Можно любить и не любить будущее царство Демоса, царство солидарности и деятельной любви, но оно неизбежно и в этом смысле предельно.

Точно так же можно любить и не любить Уитмена, но он неизбежен и поэтому предельно. Как и все великие творцы, он “нов” и “пределен”, а поэтому “сомнителен”¹¹.

Не будет большим преувеличением, если допустить мысль, что П.Сорокин именно ради этого эмоционального признания в любви к демократии написал статью “Бард жизни”.

“Сквозь строй жизни”

Питирим Сорокин как литературовед пристально вглядывался, внимательно и углубленно читал художественные произведения своего земляка, зырянского писателя Калистрата Фалалеевича Жакова. П.А.Сорокин убежден, что характер народа и его душа лучше и ярче всего раскрываются в художественных произведениях поэтов той или иной нации. В только еще зарождающейся науке — социологии, корифеем в которой впоследствии стал Питирим Сорокин, уже в начале XX века широко бытовали утверждения, что благодаря различным географическим и климатическим условиям создаются различающиеся друг от друга по характеру и культурным особенностям нации и народы. “Всякий, хотя немного знакомый с зырянами, читая произведения К.Ф.Жакова, сразу заметит что-то зырянское, свойственное этому народу. Переплетаясь с личными мотивами и настроениями, эти особенности народной

¹¹ “Всесообщий журнал”, 1912, № 2, с.129—130.

души составляют одно гармоничное целое и вводят нас в тайники жизни маленького народа”.

В произведениях зырянского писателя, как и вообще в художественных творениях северных и особенно финноязычных авторов, П.Сорокин усматривал важную и характерную эстетическую особенность — обилие фантазий и грез, богатство образов, красок и аккордов. “Типичным примером может служить “Калевала”. То же самое видно и в художественных произведениях Жакова. Сказки, грезы, мечты — вот главная форма его творчества. Даже там, где он является реалистом, как, например, в “Очерках из жизни рабочих и крестьян на Севере”, и там его герои утешают себя сказками”.

Обращая внимание на эстетическое своеобразие художественных произведений К.Ф.Жакова, П.А.Сорокин одновременно устанавливает неразрывную связь с его оригинальным “жаковским” философским взглядом на изображаемые события и явления, на самобытные черты характера героев и персонажей повестей и рассказов, сказок и легенд зырянского писателя.

Как социолог Питирим Сорокин сначала выделил, а затем сгруппировал всех персонажей произведений К.Ф.Жакова на четыре категории, или социальные группы.

В первую из них он выделил людей простых и наивных, с чистой душой маленького ребенка: Пам-Бур-морт, Майбыр, Ветулитто, Мили-Килли. По представлению Сорокина, эти люди — далеко не герои, они кротки как овцы или голуби, но одновременно мудры как змеи. Они не отважны страстями, которые бороздят их души или могут толкать на какие-либо преступления. Эти люди не от мира сего, ибо слишком чисты и постоянно стремятся в мир идеалов: из-за этого их могут считать глупцами и дурачками, хотя в действительности они являются путеводными огоньками среди темной ночи в царство добра.

Второй категорией героев К.Ф.Жакова являются великие колдуны: Шыпича, Туньыр-Як, Дарук-Паш. Все они индивидуалисты, гордые, сильные, благодаря своим чарам непобедимые. Это — тип демонический, для них естественны великие страсти и буйные схватки. Все они чем-то напоминают легендарного зырянского вождя Пама — соперника святого Стефана Пермского, победившего им. Эти сказочные герои симпатичны Сорокину тем, что “эти люди умеют жить, умеют и умирать”. “Мне, как этнографу, — говорит Питирим Сорокин, — лично пришлось записывать много аналогичных сказаний у зырян и даже видеть среди них

реальные типы, сходные с этими “тунами”. Примером их может служить и великий Пам, насколько можно судить о нем по историческим памятникам. Гордый, непокорный, готовый скорее умереть, чем подчиниться, он борется всю жизнь. Он не прощает никому: ведет свирепых вогулов на своих же зырян, когда они перешли в христианство, и он среди этих волнений и кончает свою жизнь”.

Таковы два основных типа в сказках и легендах К.Ф.Жакова, но и в реалистических произведениях зырянского писателя образы и персонажи какими-то чертами напоминали сказочные... Живущие в глуши, спокойные, мирные, трудолюбивые люди как будто бы ведут тихую растительную жизнь, их умственные запросы и интеллект спрятаны глубоко. Но это только на первый взгляд. Достаточно прочесть, например, рассказ “Пильвань”, “как сразу же составляется ясное и определенное представление об этой примитивной жизни несравненно более ярко, чем представление, созданное путем изучения материалов этнографии”.

Образы этих людей (Пильвань, Фалалей, сказочник Марко, силач Максим и другие) проникнуты единством настроения и легкой грусти, в них видно непротivление злу, добродушие, спокойное сознание правоты и силы. И именно этот психологический тип среди реалистических персонажей К.Ф.Жакова наиболее дорог, родственен и симпатичен П.А.Сорокину, к тому же этот тип наиболее многочислен среди зырянского народа.

Однако, наряду с “непротivленцами” в произведениях К.Ф.Жакова выделен и тип... хищника среди зырян, который исполнен силы и отваги и достигает своей цели через трупы других. “Что такой тип есть, этому доказательством служит предприимчивость и своеобразная жестокость отдельных людей данного народа. Нам известно, например, что громадные богатства самоедов (оленьи стада) постепенно путем хитрости и спавания перешли в руки зырян”¹².

Действительно, есть отдельные свидетельства отечественных и зарубежных путешественников и исследователей, что коминжемцы, занявшиеся оленеводством, постепенно вытесняли ненцев с их традиционных оленьих пастбищ в тундре, бывали при этом конфликтные ситуации и даже стычки. Известный исследователь Севера А.В.Журавский в своей книге “Приполярная Россия”

¹² П.А.Сорокин. “Грезы Севера”. Известия Архангельского Общества изучения русского Севера, 1910, № 17, с.33-36.

очень резко и категорично осуждал ижемцев: “В хроническом неестественном вымирании остяков и самоедов в Обском и Печорском крае под влиянием специфической деятельности уголовно-спекулирующей категории зырян-“ижемцев” и т.п. — во всем этом явны серьезные предвестники грозы, имеющей далеко не “местное” и не областное значение (политическое недоразумение!), но значение и опасность общегосударственные”¹³.

П.А.Сорокин знал, что коми-ижемцев за предприимчивость прозвали “северными американцами”.

П.А.Сорокин анализировал произведения своего земляка, зырянского беллетриста и философа К.Ф.Жакова, с точки зрения этнографии, то есть той области науки, в которой будущий социолог чувствовал весьма уверенно. Не обходил он вниманием философский мир и эстетическую сущность художественных произведений Жакова. “В творчестве Жакова раскрывается тоже своеобразный мир, мир, богатый образами, таинственными звуками, окутанный дымкой мистицизма... Мистицизм, близкий к пантеизму, брызжет в каждом рассказе и вводит вас в какой-то мир, отличный от мира трех измерений. В этом пункте творчество Жакова близко к творчеству Гамсуна, у которого также живет каждая ветка и каждый лист травы... Да и вообще мистицизм свойственен большинству северных художников (Ибсен, Гамсун, Уайльд, Лонгфелло и другие)”.

При желании П.А.Сорокин мог бы отметить не только типологическое сходство произведений Жакова и, например, норвежского классика и современника Кнута Гамсуна, но даже и прямую переключку образов и персонажей, созданных двумя северными писателями.

В обширном отзыве-рецензии П.А.Сорокина нет односторонней апологетизации творческих усилий К.Ф.Жакова. Многие произведения зырянского писателя по разным причинам П.А.Сорокин считал недостаточными: к такому относил почти целиком лирические стихи, а также рассказы “Дорогое счастье”, “Неблагодатный”, “Дарья Родионовна”. В последнем рассказе мать-староверка оказывается настоящей садисткой: чтобы не выдать младшую дочь замуж за православного, она решает ее изуродовать — отрубает ей палец. Рецензент интуитивно почувствовал маловероятность и искусственность изображенной ситуации, схематичность образов, что вооб-

ше-то мало свойственно произведениям К.Ф.Жакова.

Не является П.А.Сорокин горячим сторонником Жакова и в тех случаях, когда писатель пытается беллетризировать свои философские взгляды. “Да и вообще можно заметить тот факт, что наиболее неудачными являются те рассказы, где слишком ясно слышны личные нотки. Рассказы же, имеющие основой народное творчество, могут многое дать этнографу, но еще больше эстету, ищущему новых сочетаний элементов действительности. Они напоминают веселую, полную жизни и игры реку, образованную тысячами ручейков и речек народного творчества”¹⁴.

Эстетическое чутье, глубокое и разностороннее знание жизни коми народа и широкая эрудиция позволили Питириму Сорокину дать объективную оценку произведениям К.Ф.Жакова.

Литературоведческие интересы П.А.Сорокина не всегда находились в центре научных исследований будущего всемирно известного философа-социолога, тем не менее занимали значительное место в публикациях П.Сорокина на протяжении всего второго — бурного, нестабильного — десятилетия XX века: статью “Грезы Севера” он опубликовал в “Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера” в 1910 году, а статья “Начало великой ревизии” была напечатана в журнале “Вестник литературы” в 1922 году, через пять лет после Октябрьской революции.

П.Сорокина интересовали не побочные, а основные, узловые, наиболее сложные проблемы в развитии мировой культуры вообще и литературы в частности. Центральными в философско-литературоведческих исследованиях социолога-первопроходца оказались проблемы философии истории, философии общественных и социальных явлений, философии литературы... Для углубленного исследования выдвигаемых проблем П.Сорокин исключительно тщательно изучал историю вопроса, чтобы свободно владеть материалом. Это ценное качество его литературоведческих работ придает им достоверность и убедительность. А широта литературоведческих интересов П.Сорокина простиралась от произведений коми-зырянского писателя Калистрата Жакова до сложнейших стихотворений американского поэта Уолта Уитмена.

¹³ А.В.Журавский. “Приполярная Россия”, Архангельск, 1908, с.21.

¹⁴ П.А.Сорокин. “Грезы Севера”, ИАОИРС, 1910, № 17, с.37